

Р. А. БУДАГОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1

По сравнению с исторической фонетикой и исторической морфологией синтаксис романских языков остается областью все еще мало изученной. После большой работы Ф. Дица прошло свыше 110 лет¹, сравнительно-исторический синтаксис романских языков В. Мейер-Любке отделен от нас тоже уже немалым промежутком времени в 55 лет². Между тем после Мейер-Любке не было сделано новых попыток описания общей синтаксической системы романских языков в их историческом развитии и взаимодействии. В XX в. мысль исследователей пошла, в основном, по двум другим направлениям: стали изучаться либо отдельные синтаксические проблемы романских языков, либо составляться — тоже отдельные — исторические синтаксисы национальных романских языков. Бесспорно, конечно, что работа эта оказалась очень нужной для дальнейшего углубленного знакомства с синтаксической системой каждого романского языка, для понимания взаимодействия между романскими языками в частных особенностях их грамматических построений. Исследования эти как бы подготовили условия для появления новых синтетических обобщений. И все же эти обобщения так и не были сделаны.

Опубликованные в последние годы общие обзоры романских языков либо вовсе обходят молчанием синтаксические проблемы, либо посвящают этим проблемам лишь отдельные страницы. Вышедшая же в свет в 1950 г. вторым изданием книга итальянского лингвиста Луиджи Сорренто, несмотря на многообещающее название — «Романский синтаксис», рассматривает скорее отдельные стилистические, чем синтаксические, проблемы.³ Приходится признать, что наибольшую ценность для современной науки о романских языках имеют те работы, которые движутся по одному из отмеченных выше направлений, предоставляя читателю описания синтаксических систем отдельных романских языков или исследуя ту или иную самостоятельную проблему сравнительно-исторического синтаксиса (например, проблему инфинитива или проблему причастия, проблему вспомогательных глаголов или проблему номинативных конструкций).

Постоянные жалобы специалистов на неразработанность сравнительно-исторического синтаксиса романских языков могут быть подразделены на

¹ F. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, Theil III[—Syntax], Bonn, 1844.

² W. Meyer-Lübke, Grammatik der romanischen Sprachen, Bd. III—Syntax, Leipzig, 1899.

³ L. Sorrento, Sintassi romanza. Ricerche e prospettive, 2-e ed., Varese—Milano, 1950. Это стилистическое направление в области синтаксиса неоднократно призывал развивать и Лео Шпицер (см., в частности, L. Spitzer, Über syntaktische Methoden auf romanischen Gebiet, «Die Neueren Sprachen», Bd. XXVI, 1919, стр. 336—337).

две категории: первые из этих жалоб обусловлены тем, что синтаксис одних романских языков изучен гораздо меньше, чем синтаксис других; жалобы второго рода вызваны трудностями более общего характера: недостаточной ясностью объекта самого анализа, разным пониманием целей и задач синтаксического исследования родственных языков.

Обращаясь к трудностям первого рода, нельзя, действительно, не отметить резкой непропорциональности в изучении синтаксиса разных романских языков. В то время как синтаксическая система французского языка тщательно изучается самыми различными учеными, мы до сих пор очень мало знаем не только о синтаксисе рето-романского, каталанского или португальского языков¹, но и о синтаксисе таких романских языков, как испанский, румынский или итальянский. По сравнению с французским языком синтаксические системы испанского, румынского и итальянского языков находятся в начальной стадии научного изучения. Такая же неравномерность изучения отдельных романских языков очень затрудняет и работу сравнительно-исторического характера, успешное продвижение которой немислимо без тщательного предварительного анализа материалов отдельных языков и их диалектов.

Еще серьезнее, однако, трудности второго рода — методологического и методического характера. Об этих трудностях мы скажем впоследствии подробно, сейчас же приведем лишь два примера, долженствующих показать, насколько еще не установлен самый метод исследования синтаксических явлений родственных языков.

В новом издании известной книги Э. Бурсье «Основы романского языкознания», вышедшем в Париже в 1946 г., глава о структуре итальянского предложения начинается такими словами: «Итальянское предложение несравненно гармоничнее испанского и не лишено известной гибкости. В нем имеются некоторые, хотя едва уловимые, разрывы между отдельными членами, которые, однако, связываются друг с другом переходами непрерывного голосового потока»². Далее мы узнаем, что так называемая нисходящая часть словосочетания или предложения образуется «низким звучанием в конце последнего отрезка». Это и все, что должно подкрепить мнение исследователя о большей гармоничности итальянского предложения по сравнению с предложением испанского языка.

Бросается в глаза известная импрессионистичность выводов зарубежного лингвиста. Что значит большая гармоничность предложения одного языка по сравнению с меньшей гармоничностью предложения другого языка, так и остается неясным читателю. Почему «переходы непрерывного голосового потока» обеспечивают эту гармоничность, и могут ли существовать романские языки, интонационная структура которых действительно лишена «непрерывного голосового потока», — все это остается совершенно невыясненным. Обращает на себя внимание и известная условность самих терминов, которыми оперирует ученый («гармоничное предложение», «гибкость предложения»). Нельзя не отметить, что такие термины не употребляются исследователем, когда он пишет о фонетических и морфологических особенностях сравниваемых языков. Приходится, следовательно, признать, что в области синтаксиса вопросы метода исследования оказываются гораздо менее ясными, чем в области фонетики или морфологии. Если же прибавить, что замечания Э. Бурсье о «гармоничности итальянского предложения» вставлены им в новое издание его книги со-

¹ См. об этом: В. Ш и ш м а р е в, Очерки по истории языков Испании, М.—Л., 1941, стр. 239.

² Э. Б у р с ь е, Основы романского языкознания, перевод с 4-го франц. изд., М., 1952, стр. 453.

роковых годов и что этих замечаний не было в предшествующих изданиях этого руководства двадцатых годов¹, то станет ясно, что обсуждение строгости и точности самого метода синтаксического исследования родственных языков за последние два десятилетия не очень продвинулось вперед в зарубежной романистике.

Приведем теперь другой пример иного характера. Известно, что ученики и последователи видного немецкого романиста К. Фосслера много и успешно работали в области исторического синтаксиса отдельных романских языков. Вместе с тем эти ученые стремились противопоставить свое понимание синтаксического развития языка той концепции, которая разделялась младограмматиками, в частности Мейер-Любке. По мнению Фосслера и его сторонников, основной недостаток младограмматических работ заключается в том, что в этих работах лишь констатируются и описываются те или иные синтаксические изменения в языке, но не объясняются. Между тем задача истинной науки — справедливо подчеркивают Фосслер, Лерх и другие — заключается не только в описании, но и в истолковании изучаемых явлений.

Стремясь реализовать это назначение науки на практике, Фосслер то и дело прибегал к объяснениям такого характера: в XIII в. во французском языке появляется так называемый частичный (партитивный) артикль *du, de la, des*. Чем объяснить, что этот артикль, известный и итальянской речи, но не известный другим романским языкам, появляется во Франции именно в XIII в. Ответ на этот вопрос Фосслер искал в торговых отношениях эпохи, которые, по мысли ученого, должны были породить и своеобразный «счетный артикль» в языке. Влияние «купцов и политиков» на язык определило, по убеждению Фосслера, и появление партитивного артикля в языке, затем получившего общенародное распространение².

Можно было бы не останавливаться на такого рода «объяснениях», если бы они не заключались в книге, в других отношениях весьма интересной. К тому же следует иметь в виду, что у последователей Фосслера истолкования подобного рода получили широкое распространение. Так, Лерх в своей большой и ценной по материалу работе о функциях будущего времени в романских языках, стремясь объяснить частое употребление будущего времени в императивном значении во французском языке, ссылается на особенности национального характера французов, у которых «отсутствует благоговение перед индивидуальностью других людей»³.

Можно было бы сказать: стоит ли обращать внимание на эти замечания? Не проще ли воспользоваться материалом подобных исследований, отбросив все то, что является неприемлемым для советского языковедения, что может вызвать лишь улыбку у читателя, который не смешивает экономику страны и психологию народа с грамматическими формами соответствующих языков. Разумеется, можно было бы просто не обращать внимания на подобные «отступления», имеющиеся почти во всех работах так называемой нефилологической школы, если бы сами эти отступления и «объяснения» не были в какой-то степени показательными. Не случайно, что с подобного рода «объяснениями» мы редко встречаемся, когда речь идет об исторической фонетике или исторической морфологии, и только

¹ См. É. Bourciez, *Éléments de linguistique romane*, 2-e éd., Paris, 1923, стр. 501.

² K. Vossler, *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung*, Heidelberg, 1913, стр. 191. Это же утверждение повторяется во втором издании данной книги (1929 г.), а также в ее итальянском (1948 г.) и французском (1953 г.) переводах.

³ E. Lerch, *Die Verwendung des romanischen Futurums als Ausdruck eines sittlichen Sollens*, Leipzig, 1919, стр. 287.

в области синтаксиса, как, отчасти, и лексики, истолкования такого типа то и дело поражают читателя. Следовательно, отмеченные приемы свидетельствуют о сложности самого метода исследования и осмысления синтаксических явлений. Нужно не просто отбросить негодные истолкования, но и выдвинуть другие, более пригодные и более верные. Для того же, чтобы справиться с этой сложной задачей, нужно еще и еще раз обратиться к вопросам метода.

2

Трудности начинаются уже в связи с установлением приемов самого исследования: нужно ли исходить из синтаксических форм, существующих в анализируемых языках, а затем раскрывать их функции и значения, либо, напротив, следует строить «активный синтаксис», показывая, как та или иная общая категория выражается в языке. Почти у всех синтаксистов наблюдаются в этом отношении колебания. Так, Мейер-Любке, построивший свой сравнительно-исторический синтаксис романских языков исходя в целом из соответствующих формальных явлений в анализируемых языках (форм слова, типов словосочетания и типов предложения), в других случаях всё же обнаруживал колебания в пользу «активного синтаксиса»: см., например, его постановку вопроса о том, «как выражается приказание» в разных романских языках¹. В области изучения синтаксиса русского языка аналогичные колебания обнаруживались у многих ученых, в частности у акад. А. А. Шахматова. Слишком широко определяя синтаксис как учение «о способах обнаружения мышления в слове»², Шахматов считал возможным как бы двойной путь исследования синтаксических явлений: от форм их обнаружения в языке, а затем от содержания логических категорий — к способам их выявления в языке³.

Сама проблема соотношения «наличного синтаксиса» и «активного синтаксиса» имеет, однако, не только логический аспект, но и исторический. Так, романист должен решить не только вопрос о соотношении «наличного синтаксиса» языка и «активного синтаксиса», но и вопрос о том, из чего следует исходить при построении синтаксиса романских языков — из данных языка-основы (латыни) или из структуры самих романских языков. Старые синтаксические построения XIX в., включая в значительной степени и работу Дица, базировались лишь на данных латинского языка. Но при таком подходе не всегда можно было выявить специфику синтаксиса романских языков, то новое качество, которое стало характеризовать синтаксические особенности каждого отдельного романского языка. Глубокая преемственность между романским и латинским синтаксисом не должна заслонять того нового, что характеризует синтаксис романских языков в отличие от латинского⁴.

Подобно тому как «активный синтаксис» иногда проходит мимо национальных грамматических особенностей отдельных языков, так и синтаксис романских языков, целиком ориентированный на синтаксический строй латыни, порой не замечает того, что составляет специфику разных

¹ W. Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, 3-e Aufl., Heidelberg, 1920, стр. 220.

² См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 17.

³ См. об этом: С. И. Бернштейн, Грамматическая система А. А. Шахматова, «Р. яз. в шк.», 1940, № 5, стр. 74—75.

⁴ Ср. свидетельство видного современного ученого-латиниста: «Поверхностному наблюдателю может казаться, что французский язык, возникнув из латинского, остается верным своему прошлому. Более пристальный анализ, однако, обнаруживает, насколько глубоко „langue fille“ стал отличаться от „langue mère“» (J. Marouzeau, Aspects du français, Paris, 1950, стр. 72).

родственных языков. В этом смысле теоретическая проблема соотношения «наличного синтаксиса» языка и «активного синтаксиса» тесно связана с исторической проблемой — «из чего исходить» при построении сравнительно-исторического синтаксиса романских языков.

Ответ представляется нам ясным: языкознание имеет свою специфику, так как оно изучает очень своеобразное общественное явление — язык. Вместе с тем и синтаксис как важный раздел науки о языке имеет свой определенный объект изучения, который не следует ни слишком расширять, ни слишком суживать. Синтаксис, как известно, изучает способы соединения слов в словосочетания и предложения; в синтаксисе анализируются типы словосочетаний и предложений, их функции и своеобразие употребления в том или ином языке или в тех или иных родственных языках¹. Поэтому, исследуя синтаксис языка, мы обязаны исходить из форм слов, словосочетаний и предложений, раскрывая их функции и значения. «Активный синтаксис» может при этом иметь лишь подсобное значение. Учитывая ту же специфику языка, при построении синтаксиса романских языков следует, на наш взгляд, двигаться от романских языков к их предистории.

При установлении специфики объекта синтаксического исследования весьма существенен вопрос о взаимоотношении синтаксиса и морфологии в системе изучаемых языков. Нельзя согласиться с теми современными структуралистами, которые объявляют полную «автономию синтаксиса», его отрешенность от морфологии, независимость от всего материального в языке². В действительности самостоятельность и специфичность синтаксиса несколько не препятствуют его широкому взаимодействию с морфологией. Нельзя понять своеобразия синтаксических категорий вне этого взаимодействия.

Структуралисты, основываясь на логике отношений, утверждают, что реальны лишь сами отношения, но что кроется за этими последними — мы не знаем. Поэтому и в языке категория отношения, по их мнению, самоценна. Она не зависит от тех реальных языковых значений, которые с ее помощью передаются. Поэтому и синтаксис языка, оперирующий категорией отношения, резко отделяется от морфологии, основывающейся на материальных фактах языка. Такие взгляды несомненно ошибочны: отношение существует не само по себе, а лишь в той мере, в которой само это отношение, имея определенную функцию, выражает определенное значение. В силу того, что проблема эта весьма существенна для понимания специфики синтаксиса, остановимся на ней немного подробнее.

Даже некоторые передовые лингвисты своего времени склонны были, на наш взгляд, неправильно трактовать проблему отношений в грамматике. «Нельзя говорить, — писал, например, Бодуэн де Куртене, — что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них „переходит“. Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют»³. Еще определеннее стал подчеркивать эту же мысль и А. Мейе: «...в латинском языке, — замечает он, — не было одного слова *волк*, а лишь совокупность форм: *lupus* (им.), *lupе* (зват.), *lupit* (вин.), *lupī* (род.), *lupō* (отл.), причем ни одна из этих пяти форм не была исходной для других, так же как не было ис-

¹ См. «Грамматика русского языка», т. II — Синтаксис, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 6.

² См. специальную главу об «автономии синтаксиса» в кн: V. B o n d a l, *Essais de linguistique générale*, Copenhagen, 1943, стр. 8—14.

³ И. А. Бодуэн де Куртене, [Рец. на кн.:] «В. Чернышев, Законы и правила русского произношения... Варшава. 1906», ИОРЯС, т. XII, кн. 2, 1907, стр. 495.

ходной формы для образования множественного числа: *lupī* (им.), *lupīs* (дат.), *lupōrum* (род.), *lupīs* (отл.).

Не было имени *человек*, но существовала совокупность: *homo* (им.), *hominem* (вин.), *hominis* (род.), *hominī* (дат.), *homine* (отл.) и т. д.¹.

Трудно согласиться с такой постановкой вопроса. Разумеется, сравнивая различные падежные формы между собой, нельзя считать, что одни из них «переходят» в другие в школьном смысле этого слова. Все формы слова, имеющиеся в данном языке, действительно сосуществуют в нем, они должны изучаться в грамматике. И все же древние мыслители были по-своему правы, называя падежи «падежами» (при всей условности самого термина): косвенные падежи имени были бы немислимы, если бы они не воспринимались и на фоне прямого падежа. Прямой падеж более независим, он ближе к «чистому названию», его номинативная функция воспринимается отчетливее, чем соответствующие функции косвенных падежей. Хотя группировка косвенных падежей в разных языках, имеющих падежи, и различна, однако вопрос о соотношении более зависимых падежей и падежей более самостоятельных очень существен для грамматики. Другими словами, для грамматики важна не только категория отношения, но и категория значения, то, что стоит за грамматическими отношениями, что выражается при помощи этих отношений. Нельзя согласиться с тем, что форма *вода* и форма *воде* «одинаково переходят друг в друга»². Они неодинаковы уже потому, что форма *воде* в большей степени предполагает как бы «исходную» форму *вода*, чем обратно. Именно поэтому число косвенных падежей в языках может быть очень различным, тогда как «прямой падеж», или «общий падеж», или «исходный падеж» («основной падеж») обычно всегда наличествует в индоевропейских языках, обладающих падежной системой.

Проблема отношения и значения очень существенна для понимания специфики грамматики, для правильного истолкования взаимоотношений между грамматикой и лексикой, а в системе самой грамматики — между морфологией и синтаксисом. Если в любой грамматической парадигме важно установить «исходную» грамматическую форму, то не менее важно обнаружить таковую и в синтаксических категориях.

В романских языках, как, впрочем, и в других индоевропейских и неиндоевропейских языках, имя существительное может быть не только подлежащим, но и сказуемым, и дополнением, и обстоятельством и т. д. Однако существительное именно в функции подлежащего выступает в своей первичной синтаксической функции, по отношению к которой все остальные функции существительного (в роли сказуемого, дополнения, обстоятельства и пр.) будут восприниматься как вторичные. Не случайно при этом, что первичная синтаксическая функция существительного (подлежащее) обычно опирается на «исходную» форму имени в его морфологической парадигме. Различия между первичными и вторичными синтаксическими функциями имени, как и других частей речи, существуют в языке объективно, обнаруживая закономерные связи синтаксиса и морфологии. Точно так же можно сказать, что сказуемое — это первичная синтаксическая функция глагола, хотя последний может выступать не только

¹ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод с французского, М., 1954, стр. 79—80.

² Как это считал Бодуэн де Куртенэ в уже цитированной рецензии (стр. 495). Попытка пересмотреть вопрос о соотношении падежей, предпринятая Якобсоном, не может быть признана в этом плане удачной, так как, разграничив понятия «полного падежа» (Vollkasus) и «периферийного падежа» (Randkasus), Якобсон свел затем различие между ними лишь к «позиционной корреляции» (Stellungskorrelation). См. R. Jacobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 264.

в функции сказуемого, а следовательно, имеет и вторичные синтаксические функции. Именно поэтому и прилагательное — это прежде всего определение, как наречие — это прежде всего обстоятельство и т. д.¹

Разграничение первичных и вторичных функций в синтаксисе столь же необходимо, сколь необходимо установление основных и производных форм в любой морфологической парадигме. Без этого разграничения грамматика превращается в пестрое собрание разных «форм», причем остается совершенно неясным, в каких отношениях эти формы находятся к мысли, которая облекается во все эти формы. Напротив, установление основных и производных форм в любой морфологической парадигме, подобно тому как и разграничение первичных и вторичных функций частей речи, не только вносит в многообразие грамматических форм определенную регулярность, но и подтверждает известное положение о том, что грамматика является не только собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении, но и результатом абстрагирующей работы человеческого разума.

Разграничение первичных и вторичных синтаксических функций частей речи дает возможность глубже понять закономерности, существующие во взаимоотношениях между частями речи и членами предложения, между морфологией и синтаксисом, между парадигмами языка и способом их функционирования в речевом потоке. Поэтому выше мы подчеркнули, что в грамматике важна не только категория отношения, но и категория значения, объективно существующая и выражающаяся в языке в самом этом отношении.

3

Изучению синтаксиса романских языков в сравнительно-историческом плане стоит перед исследователем ряд важных и сложных проблем теоретического характера. Так как язык — основа романских языков — латынь хорошо известна и тщательно изучена, то и материал романских языков приобретает важное значение для сравнительно-исторических исследований². Вместе с тем наличие хорошо сохранившегося языка-основы, с одной стороны, и романских языков — с другой, требует от исследователя более глубокого понимания характера тех отношений, которые складывались как между романскими языками и латынью, так и внутри самих романских языков.

Как мы уже подчеркнули, самая непосредственная преемственность, существующая между латынью и романскими языками, не должна заслонять и тех важнейших различий, которые отделяют сейчас синтаксическую структуру романских языков от синтаксической структуры латыни. Новое качество развилось здесь на основе старых языковых отношений. Вместе с тем общероманские явления не должны скрывать от взора исследователя и тех существенных расхождений, которые определили отличие одного романского языка от другого.

Хотя это и кажется на первых порах парадоксальным, но синтаксические расхождения между романскими языками лишь подтверждают един-

¹ Ср. А. А. Холодович, Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, стр. 234.

² Некоторые лингвисты (например, Соссюр, Мейе, Шухардт) склонны были даже особо подчеркивать значение романского языкового материала для целей общего языкознания. См., в частности, рецензию Шухардта на «Курс общей лингвистики» Соссюра в «Literaturblatt für germanische und romanische Philologie» [Jg. 38 (1917), стр. 9] и замечания А. Мейе в «Bulletin de la Société de linguistique de Paris» (t. XXIV, fasc. 2, 1924, стр. 80).

ство их происхождения из одного источника. Это объясняется в ряде случаев тем, что из многообразных ресурсов латинского языка некоторые романские языки выбирают одни средства, а другие языки — другие средства.

Начнем наш обзор с простых примеров, однако попытаемся их осмыслить в плане интересующих нас теоретических вопросов. Указательное местоимение *ille* послужило источником образования определенного артикля в большинстве романских языков, тогда как в сардинском романском языке таким источником стало другое латинское местоимение — *ipse*. Одни романские языки образуют сравнительную степень при помощи лат. *plus* «более» (ср. франц. *plus grand*, итал. *più grande*), а другие — при помощи лат. *magis* «больше» (исп. *mas grande*, рум. *mai mare*). В одних романских языках при формировании описательных форм будущего времени был широко использован латинский вспомогательный глагол *habere* (франц. *chanter + ai*, буквально: «я имею петь», «я спою», исп. *cantar + é*), а в других — иной латинский глагол *volere* (рум. *voiu cânta* «я хочу петь», «я спою»). В этом смысле можно утверждать, что наличие одного источника в виде языка-основы не только не сводит на нет расхождения между языками, возникшими из данного источника, но даже по-своему стимулирует эти расхождения. Мы уже не говорим о том, что многочисленные новые явления в синтаксической структуре романских языков могли впоследствии дальше развиваться уже независимо от импульсов, исходивших от языка латинского.

Проблема в выборе той или иной формы латинского языка тем или иным романским языком осложняется еще и потому, что этот выбор может быть не только прямым, но и косвенным. В португальском языке, как и в языке испанском, существует четыре вспомогательных глагола (португ. *ter* «иметь», *haver* «иметь», *ser* «быть», *estar* «быть», «находиться»; исп. *tener*, *haber*, *ser*, *estar*). Однако удельный вес каждого из этих глаголов в каждом из названных двух языков совершенно различен. В то время как в португальском языке самым употребительным вспомогательным глаголом является глагол *ter*, служащий для образования сложных описательных времен, в испанском языке в этой функции выступает обычно уже не глагол *tener*, а глагол *haber*, при помощи которого образуются сложные описательные формы действительного залога. Глагол же *tener* в испанском языке сохраняет большую самостоятельность, чем соответствующий португальский глагол *ter* (ср., например, исп. *he venido* «я пришел», но португ. *tenho vindo*, исп. *se ha lavado* «он вымылся», но португ. *se tem lavado* и пр.).

Следовательно, вопрос заключается не только в том, какую из конструкций развивает тот или иной романский язык, совсем отказываясь от других аналогичных конструкций (это лишь одно из возможных соотношений внутри романских языков), но и в том, какая из конструкций получает в нем преимущественное развитие, отесняя — в большей или меньшей степени — другие конструкции, так сказать, на периферию языка. Важен, таким образом, не только абсолютный выбор, но и выбор относительный. Объем и сфера распространения той или иной конструкции в разных родственных языках сплошь и рядом оказываются различными. Важно не только то, что есть в одном языке и чего совсем нет в системе другого, но и то, что имеется в ряде родственных языков, хотя и не совпадает между языками по своему значению и удельному весу¹.

¹ То, что было сказано акад. Л. В. Щербой о несовпадении лексических сфер сходных слов в разных языках [в интересном предисловии к его «Русско-французскому словарю» (3-е изд.— М., 1950)], относится, по нашему мнению, и к функциональным несовпадениям сфер аналогичных синтаксических конструкций в разных родственных языках

Стоит только одному грамматическому фактору, получившему широкую сферу распространения в одном языке, не получить такого же широкого распространения в другом родственном языке, как соответствующие «конкуренты» этого фактора как бы заполняют те места, которые оказались не занятыми в данном языке.

Значительно труднее ответить на вопрос о том, почему в том или ином романском языке развивается одна синтаксическая конструкция, а в другом — иная, или почему в разных романских языках развиваются разные варианты одной конструкции (например, целостное по своей синтаксической природе первоначально описательное выражение будущего времени, но в одних языках с глаголом *habere*, а в других — с глаголом *volere*). Только конкретная история отдельных романских языков может в известной мере прийти нам на помощь при решении этого вопроса. Так, выбор вспомогательного глагола *volere* при образовании будущего времени в румынском и молдавском языках (вместо глагола *habere* в других романских языках) мог быть подсказан соответствующим греко-византийским оборотом типа $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\upsilon$ (лат. *volo scribere*, рум. *voiui scrie* «напишу»), на что уже указывали многие ученые¹. Однако сам по себе этот оборот был вполне возможен и в сфере позднего латинского языка, глагольно-инфразистемные сочетания которого получали все большее распространение. Греко-византийская традиция могла лишь ускорить процесс, как бы направить его в определенное русло, хотя источник этого процесса был определен глагольной структурой живого народного латинского языка. П р е д п о с ы л к и развития той или иной языковой категории у всех романских языков остаются в общем едиными, направление же их развития определяется целой совокупностью причин внутренне-исторического характера.

Разумеется, отклонение того или иного романского языка от общероманских синтаксических тенденций могло определяться не только местным языковым влиянием. Так, на выбор наречия *magis* или наречия *plus* для выражения сравнительной степени прилагательного в разных романских языках могла влиять семантика самих этих наречий в истории разных языков. Уже у Плавта встречается выражение типа *magis aptus* «более способный». Наречие *plus* «больше» первоначально употреблялось реже, чем *magis*, хотя уже у древних писателей встречается *plus miser* «более несчастный» (Ennius, Fab., 371), *plus infesta* «более враждебная» (Plaut, Cas., 639). Впоследствии, несмотря на то, что *plus* получает большее распространение в эпоху империи, чем *magis*, многие романские языки развивают все же *magis* и лишь некоторые — *plus*.

Для того чтобы понять, чем определяется этот выбор, обратим внимание на конкретную историю упомянутых наречий в отдельных романских языках.

Так, во французском, в котором наречие *magis* рано теряет свое старинное значение «больше», постепенно приобретая противительное значение «но», создавались благоприятные условия для расширения наречия *plus* в значении «больше». Правда, в старых текстах *mais* уже не употребляется как показатель сравнительной степени, но оно еще может иметь значение «больше» в свободных сочетаниях (например, в «Песне о Роланде», 2219: *Si grant doel out que mais ne pout ester* «Его боль настолько велика, что *больше* он не может держаться»). Постепенно, однако, путем очень слож-

¹ См.: K. S a n d f e l d, Linguistique balkanique, Paris, 1930, стр. 181; G. K ö r t i n g, Neugriechisch und Romanisch. Ein Beitrag zur Sprachvergleichung, Berlin, 1896, стр. 117.

К проблеме субстрата, важной для романских языков вообще, мы предполагаем вернуться в особой работе.

ных смысловых движений, которые в другой связи уже служили предметом специального анализа¹, *mais* приобретает значение «впредь», а затем и «но». Такая новая специализация семантики *mais* не могла не отразиться на значении его бывшего конкурента — *plus*. Последнее «вторгается» в область степеней сравнения, облегчая тем самым выбор между *magis*—*plus*. Так на выбор синтаксического сочетания прилагательного с определенным наречием для выражения степени сравнения в одном романском языке в отличие от другого или других романских языков могла влиять в известной степени семантика соответствующего наречия в одном из этих языков². Необходимо также обнаружить импульсы, которые привели к выбору *magis* и оттеснению *plus* в других романских языках (например, в испанском или румынском).

Таким образом, выбор и развитие одних конструкций за счет других в разных романских языках определяется сложной совокупностью причин, относящихся прежде всего к конкретной истории самих этих языков.

4

Синтаксические особенности разных романских языков очень существенно принимать во внимание при классификации последних. Между тем все без исключения существующие в науке классификации романских языков основаны лишь на фонетических и морфологических данных. Именно по этим данным уже для так называемой вулгарной латыни обычно выделяют три диалектные зоны: 1) Балканы, центральную и южную Италию, 2) Сардинию, 3) северную Италию, Галлию и Пиренейский полуостров³. Впоследствии для романского периода, также опираясь на фонетические и морфологические показатели, различают галло-романскую языковую группу (французский и провансальский языки), иберо-романскую (языки испанский, португальский, каталанский), дако-романскую (языки румынский и молдавский), к которым присоединяют итальянский язык с примыкающими к нему рето-романскими диалектами.

Еще в восьмидесятых годах XIX в. Гребер предложил различать более архаическую группу западнороманских языков по сравнению с более поздней и менее архаической группой восточнороманских языков. Гребер учитывал периоды и направления исторического процесса романизации, который осуществлялся с юга и запада на восток и юго-восток будущей романской территории. Однако разграничение более архаических романских языков по сравнению с романскими языками более поздней формации Гребер проводил почти исключительно по фонетическим и отчасти морфологическим данным⁴. То же следует сказать и о новейшей классификации романских языков, предложенной Вартбургом⁵.

Между тем при привлечении не только фонетических и морфологических, но и синтаксических особенностей разных романских языков суще-

¹ В разделе о союзе *mais* в кн.: E. L e r c h, Historische französische Syntax, Bd I, Leipzig, 1925.

² Нам могут возразить, что следствие здесь принимается за причину. Однако, при установлении взаимодействия между синтаксическими и семантическими явлениями языка, всегда следует помнить классическое положение диалектического материализма: «...то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» (Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 22).

³ См. М. В. С е р г и е в с к и й, Проблема диалектальности вулгарной латыни в свете данных романского языкознания, «Вестник Моск. ун-та», 1946, № 1, стр. 36.

⁴ См. G. G ö b e r, Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter, «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik», Leipzig, 1884.

⁵ W. W a r t b u r g, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, Bern, 1950.

ственно меняется и осложняется сама проблема классификации романских языков. Приведем лишь некоторые примеры. Если двухпадежная система склонения объединяет старофранцузский и провансальский языки, так сказать, по территориальному признаку, составляя их характерную синтаксическую особенность и обуславливая более свободный порядок слов в предложении, то, с другой стороны, противопоставлять падежную систему имени существительного в этих языках беспадежной системе в других романских языках нельзя, так как падежи имени существительного сохраняются и в языках румынском и молдавском. Если с морфологической точки зрения двухпадежная система склонения имени существительного действительно объединяет старофранцузский и провансальский языки (эта система имеет много общего в самих парадигмах склонения, и их историческом происхождении), то с синтаксической позиции объединение двух языков по данному признаку оказывается не вполне точным, так как система склонения имени известна еще и восточным романским языкам. Парадигмы склонения в этих последних языках уже отличаются от парадигм склонения имени существительного в старофранцузском и провансальском языках: достаточно напомнить, что в румынском и молдавском различаются именительно-винительный падеж, с одной стороны, и родительно-дательный — с другой, тогда как старофранцузский и провансальский различают только прямой и косвенный падежи. И все же с синтаксической точки зрения уже не старофранцузский и провансальский будут противостоять в плане склонения имен существительных всем другим романским языкам. Эти два языка вместе с румынским и молдавским образуют в синтаксическом плане систему, опирающуюся на функциональное разграничение падежей имени существительного, тогда как остальные романские языки подобных падежных разграничений имен существительных и прилагательных не знают.

Следовательно, группировка морфологическая и группировка синтаксическая внутри родственных языков, соприкасаясь в одних чертах, расходятся между собой в других языковых особенностях.

Известно, что употребление предлога *a* при прямом дополнении, относящемся к категории лица, составляет одну из характерных синтаксических особенностей испанского языка. Обычно отмечается, что двоякое введение прямого объекта — при помощи предлога *a* или без его помощи — служит разграничением категории одушевленности и неодушевленности (точнее, лица и не-лица) в испанском языке (*La madre ama a la hija* «Мать любит дочь», но *La madre ama el libro* «Мать любит книгу»: во втором случае неодушевленный объект *книга* вводится без предлога *a*, тогда как в первом случае объект *дочь* «требует» предлога *a*). Если в других иберо-романских языках, в португальском и каталанском, предлог *a* перед одушевленным объектом получил лишь слабое и непоследовательное развитие под воздействием кастильской конструкции, то уж совсем независимо от испанского языка аналогичная конструкция последовательно стала развиваться в румынском языке, в его центральном дако-румынском диалекте.

В румынском языке в функции прямого объекта перед одушевленными именами был использован не предлог *a*, как в испанском, а предлог *pe* > *pe*. Самые древние памятники румынского языка еще не знали подобных построений с предлогом *pe*. Конструкции эти появляются лишь со второй половины XVI в., хотя старые построения без предлога *pe* еще удерживаются до середины XVII в.¹ В современном румынском языке *pe* употребляется как своеобразный сигнал перед винительным падежом одушевлен-

¹ S. Pușcariu, *Études de linguistique roumaine*, Paris, 1936, стр. 453—457.

ного объекта: *Întâlnesc pe N* «Встречаю N», *Am citit pe Eminescu* «Я читал Эминеску», *Am văzut pe frate-tău* «Я видел твоего брата».

Употребление предлога *pe* перед объектом в современном румынском языке подвержено, однако, многочисленным осложнениям. В ряде случаев с этим же предлогом функционирует не только одушевленный объект, но и неодушевленный. Исследователи по-разному оценивают самую необходимость употребления в современном языке предлога *pe* перед объектом¹. И все же, несмотря на колебания и известную неустойчивость самой конструкции с предлогом *pe*, этот предлог перед одушевленным объектом обычно употребляется. Повидимому, возникновение такой конструкции уже в процессе формирования румынского языка находилось в тесной связи с порядком слов, с потребностями разнообразной дифференциации субъекта и объекта в предложении. Не случайно, повидимому, и то, что для этой цели используется предлог *pe* (из *pre*), первоначально указывавший на направление (в старых румынских текстах: *stăpân pe ceva*, буквально: «властитель над чем-нибудь», а *stăpâni pe ceva*, буквально: «властвовать над чем-нибудь»).

Знакомство с предложными объектами в испанском и румынском языках дает возможность сделать ряд наблюдений. Испанская конструкция с предлогом *a* не получает сколько-нибудь широкого развития в прочих — в других отношениях очень близких — иберо-романских языках, в частности в португальском. Между тем далеко за пределами этой иберо-романской языковой группировки, в языке румынском, возникает аналогичная по своим синтаксическим функциям конструкция с предложным показателем перед одушевленным объектом. В отличие от испанского языка, румынский предлог в данной конструкции первоначально был конкретнее, он выражал направление и лишь впоследствии предлог утратил свое вещественное значение. Испанский и румынский языки образуют, таким образом, особые синтаксические точки соприкосновения, хотя в каждом из этих языков употребление или неупотребление предлога перед объектом имеет свои особенности. Важно, однако, то, что синтаксические сближения, как и синтаксические расхождения и разрывы между родственными языками, имеют свою специфику, далеко не во всем совпадающую со спецификой фонетических и морфологических контактов и расхождений. Испанский язык в отношении отмеченной конструкции оказывается ближе к румынскому, чем к португальскому, хотя в других связях, в частности в морфологических соответствиях, испанский и португальский развиваются в близком контакте.

Чтобы объяснить эти явления, следует иметь в виду, что синтаксические тенденции родственных языков могут развиваться несколько иначе, чем тенденции морфологические и фонетические. Синтаксическая группировка родственных языков обычно оказывается шире группировки фонетико-морфологической. Во всех родственных языках, в особенности в таких, которые связаны самым непосредственным родством, общие синтаксические явления в известной степени могут развиваться независимо от внутренних фонетико-морфологических подразделений, характеризующих разные подгруппы этих языков. Мы видели, что в подгруппе галло-романских и подгруппе иберо-романских языков оказываются такие общие синтаксические тенденции с подгруппой дако-романских языков, которые как бы перекрывают непосредственные фонетико-морфологические контакты внутри каждой из этих подгрупп. Эти расхождения вызваны, в

¹ См. Iorgu Iordan, *Limba română actuală*, Iași, [1943], стр. 284 и сл. Ср. е го ж е, *Limba română actuală*, *Limba română*, București, 1954, № 4, стр. 43. Для испанского языка см. Е. Д. Панафилов, Роль предлога *a* при прямом дополнении в испанском языке. Автореф. канд. дисс., Л., 1954.

частности, и тем, что при установлении самих подгрупп в семье родственных языков исследователи опирались обычно только на фонетические и морфологические факты и почти совсем не учитывали факторы синтаксические¹.

Разумеется, сходные синтаксические явления в родственных языках оказываются не только сходными, но и различными. Еще Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», полемизируя с анархистом Штирнером, подчеркивали, что сравнительно-исторический метод в языкознании интересуется не только сходством между языками, но и различиями в сфере самых сравнимаемых явлений². Эти различия очень существенны даже в области тех синтаксических особенностей родственных языков, которые вместе с тем в другом отношении очень похожи друг на друга.

Обращаясь к приведенным примерам, следует подчеркнуть, что в разных сходных синтаксических тенденциях есть немало частных особенностей и национальных языковых расхождений. Как мы видели, румынский язык, различая падежи имени существительного, подобно тому как различали их провансальский и старофранцузский языки, однако, различает их иначе, чем отмеченные родственные языки. Явление оказывается у ряда языков общим, но способ его реализации в разных языках различным. То же следует сказать и о предложном объекте: аналогичная конструкция формируется в разных родственных языках, однако состав и условия ее функционирования в каждом из этих языков различны: различны сами предлоги, входящие в данную конструкцию, различна степень обязательности ее применения в каждом языке, различны исключения, нарушающие регулярность употребления самой конструкции. И так бывает во всех случаях: сходства вместе с тем создают предпосылки для различий, которые определяются спецификой каждого национального языка.

Сравнительно-историческая грамматика помогает установить направление процесса развития тех или иных грамматических явлений в родственных языках. На факторах морфологического порядка проблема эта ставилась в романистике. Так, сравнивая три окончания причастия настоящего времени латинского языка (на *ans*, *antis*, на *ens*, *entis* и на *iens*, *ientis*) с одним окончанием этого же причастия во французском языке (на *ant: en chantant* «распевая»), мы, привлекая данные других романских языков, начинаем как бы точнее представлять себе процесс вытеснения прочих окончаний причастия настоящего времени: современный португальский язык сохраняет все три латинские окончания (*cantando* «распевая», *escrevendo* «в состоянии писания», *partindo* «уезжая»), итальянский — только два (*cantando* «распевая», *partendo* «уезжая»), испанский — другие два окончания (*cantando* «распевая», *partiendo* «уезжая») и т. д. Во французском же языке уже с древнейших времен выступает единое «унифицированное» окончание на *ant*. Привлечение данных других романских языков помогает осмыслить процесс образования единого окончания.

В свете этих данных становится по меньшей мере очевидным: 1) что процесс поглощения первым окончанием двух остальных не протекал одновременно по всей территории романских языков, 2) что тенденция к

¹ Сказанное отнюдь не означает, что существующая в науке классификация романских языков (галло-романские языки, иберо-романские языки и др.) является неправильной. Классификация эта исторически и лингвистически вполне обоснована. Мы хотим лишь подчеркнуть, что более пристальное рассмотрение синтаксических особенностей романских языков дает возможность обнаружить новые линии взаимодействия внутри самих романских языков.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 429.

уменьшению типов окончания причастия настоящего времени обнаруживается во многих романских языках, но не столь последовательно, как во французском; следовательно, тенденция эта является общероманской.

Однако, если в области морфологии подобные сравнительно-исторические данные постоянно привлекаются для установления направления изучаемого явления, то в области синтаксиса далеко не все так просто и не все так очевидно. Между тем привлечение синтаксических данных весьма существенно для понимания направления синтаксического развития родственных языков, подобно тому как привлечение морфологических факторов необходимо для понимания тенденций исторического движения морфологической системы этих языков.

Известно, что так называемый ирреальный оборот мог выражаться в латинском языке различными способами. В народно-разговорном латинском языке он имел обычно три типа оформления. Основной тип: *si habuisset dedissem* «если бы я имел, я дал бы» (оба латинских глагола находятся в форме давнопрошедшего времени конъюнктива). Второй тип: *si habuissem dederam* в том же значении, хотя второй глагол уже получает форму не конъюнктива, а индикатива давнопрошедшего времени. Наконец, третий тип, получивший широкое развитие: *si habuissem daturus eram* в том же значении, однако второй глагол этой конструкции приобретает сложноописательный характер (*daturus eram*).

Если морфологические явления родственных языков имеют, как правило, один источник в языке-основе, то синтаксические явления, однотипные в разных романских языках, могут вырастать сразу из нескольких конструкций, одновременно или в разные эпохи бытовавших в языке-основе. Так оказалось и в данном случае. Обороты для выражения гипотетической модальности в романских языках исторически связаны со всеми тремя перечисленными латинскими построениями.

Обращаясь к романским языкам, нельзя не заметить, что все они по-разному развивают эти латинские конструкции. Лишь немногие романские языки сохраняют наиболее древний латинский тип — *si habuisset dedissem*. К таким романским языкам относятся провансальский и ретороманский. К ним же примыкают и южные итальянские диалекты. Что же касается староиспанского и, в особенности, старофранцузского, то в этих языках с самого начала старинный латинский тип гипотетического предложения сосуществовал с более поздним типом, основанным на своеобразном взаимодействии конъюнктива и индикатива флективного типа с описательно-перифрастическим выражением грамматического условия¹.

В старофранцузской «Песне о Роланде» (3764) читаем: *S'il fust leials, bien resemblast baron* «Будь честен он, так походил бы на рыцаря». Оба глагола находятся здесь в прошедшем времени конъюнктива, так что вся конструкция соответствует первому латинскому построению (*si habuisset dedissem*). Однако, наряду с этой конструкцией, во французском языке последовательно развиваются другие, отнесенная и постепенно сводя на нет тип первого построения. Возникают как бы смешанные построения. Уже в том же тексте находим: *Pechiet fereit qui donc li fesist plus* (Roland, 240) «Совершит грех тот, кто еще раз это сделает». В этом случае конъюнктив имперфекта (*fesist*) сочетается с новой модальностью романского происхождения — кондиционалом, истоки которого связаны с разновидностью третьего, описательного типа латинского гипотетического оборота (*facere habebat* *fereit*). В последующей истории французского языка кондиционал укрепляется в главном предложении, отнесенная имперфект

¹ См. K. Foth, Die Verschiebung lateinischer Tempora in den romanischen Sprachen, «Romanische Studien», Bd. II, Strassburg, 1877.

конъюнктива в область придаточных конструкций. Такое распределение времен и наклонений способствует формированию более устойчивой гипотетической конструкции и создает своеобразное движение времен внутри самого предложения¹.

Иначе складывается соотношение в этой области между новым и старым в истории испанского языка. В старом языке здесь долго сохраняется второй латинский тип ирреалиса (*si habuissem dederam*) наряду с описательным оборотом (*si habuissem dare habebam*). Первая конструкция относилась к прошедшему, вторая — к настоящему времени. Впоследствии в связи с формированием сложных форм (*si hubiese tenido habria dado* «если бы имел, дал бы») первый оборот (*si habuissem dederam*) стал ассоциироваться с настоящим временем, а второй (*si habuissem dare habebam*) был временно вытеснен конструкцией, целиком основанной на временах индикатива: *si habueram dederam* или *si habueram dare habebam* (см., например, Rojas, Celestina: *Que si por mí no fuera, estarías tú ya ahorcado* «Если бы не я, ты был бы уже повешен»). В последующей истории испанского языка был сделан, однако, своеобразный шаг назад по направлению ко второй латинской конструкции (современное: *Si tuviese dinero se lo daría* «Если бы я имел деньги, дал бы их»). Тенденция к вытеснению конъюнктива из сферы гипотетического оборота не получила развития. Язык вновь вернулся к сочетанию конъюнктива и индикатива. Движение развития сперва как бы отклонилось в сторону, а затем вновь вернулось в русло ранее намеченного пути².

Иначе сложилась история этого оборота во французском языке. Гипотетическая конструкция в этом языке ранее тоже имела, как мы видели, смешанный индикативно-конъюнктивный характер (предшествующий этап — чисто конъюнктивное построение). Но в дальнейшем описательный оборот, приведший к образованию особой модальности — кондиционала, хотя и получил общероманское распространение, однако только в истории французского языка он постепенно стал вступать в связи уже не с конъюнктивом, а с индикативом (современное: *S'il avait eu vent de cette affaire, il aurait agi autrement* «Если бы он знал об этом деле, он поступил бы иначе»).

Было бы ошибочно считать, что данное своеобразие французской гипотетической конструкции определяется «особым характером французского мышления» и «автономией временных форм французского языка», как это утверждает современный исследователь этих конструкций Вагнер³. Гораздо правильнее объяснять своеобразие гипотетических конструкций одного романского языка по сравнению с аналогичными конструкциями в других романских языках особенностями развития исходных построений латинского языка в разных языковых условиях различных романских языков. Это тем более правильно, что основные линии развития таких конструкций в большинстве романских языков оказались все же общими. Различие определилось в результате прежде всего того, что отношение новой модальности — кондиционала к старой модальности — конъюнктиву в разных романских языках сложилось

¹ Об этом см. мои статьи: «Разыскания в области исторического синтаксиса французского языка» («Вестник Ленингр. ун-та», 1946, №4—5) и «Проблема гипотетической модальности в романских языках» (ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 2). Ср. также автореферат докт. дисс. М. С. Гурьевой «Условные и уступительные предложения в провансальском и во французском языках» (М., 1953. Ин-т языкознания АН СССР).

² См.: E. G e s s n e r, Die hypothetische Periode im Spanischen in ihrer Entwicklung, «Zeitschrift für rom. Philologie», Bd. XIV (1891), стр. 21; H. S c h u l z, Das modale Satzgefüge im Altspanischen. Inaug. diss., Jena, 1937.

³ R. — L. W a g n e r, Les phrases hypothétiques commençant par «si» dans la langue française, des origines à la fin du XVI siècle, Paris, 1939, стр. 526.

по-разному. У нас тем меньше оснований предполагать влияние особого «национального мышления» на данную конструкцию, что тенденция к разграничению конъюнктива и индикатива и стремление избежать «смешанных модальных форм» (конъюнктивно-индикативных) были известны разным романским языкам (в частности, как мы видели, не только французскому, но и испанскому), хотя в разных условиях сама эта тенденция получила разную степень реализации. В одних романских языках путь от старых к новым формам гипотетической модальности был более извилист, чем в других: он отклонялся подчас в сторону с тем, чтобы вновь вернуться на большую дорогу развития.

Чтобы ответить на сложный вопрос о непосредственных причинах отклонения того или иного романского языка от общероманских и общелатинских типов построения гипотетической модальности, нужно самым тщательным образом изучить все эти построения в сравнительно-историческом плане. Очень существенно для понимания различий между языками в построении и характере функционирования гипотетической конструкции, в частности, то, как в условиях разных романских языков развивалась частица *si*. В классической латыни эта частица имела скорее усилительное значение, чем условное¹. Во французском языке часто встречаясь в условном периоде, сама эта частица стала приобретать условное значение. «Перетянув» же на себя условное значение, частица *si* стала «освобождать» конъюнктив, делать его в этих построениях не необходимым. Этот факт мог ускорить вытеснение конъюнктива из гипотетической конструкции именно во французском языке². Во всяком случае, тщательное изучение «местных условий» помогает понять пути своеобразных отклонений от общего типа в том или ином отдельном языке. Аналогичные соображения были выдвинуты нами и при истолковании различий внутри конструкций для выражения сравнительной степени между *plus* и *magis* в разных романских языках.

5

Проблема неравномерности развития родственных языков в области синтаксиса существенно отличается от проблемы неравномерности их развития в области морфологии. В области морфологии речь идет обычно об одной исходной форме, часто получающей различную степень развития в разных языках (ср. то, что было ранее сказано о причастии настоящего времени). В области синтаксиса проблема оказывается значительно более сложной: исследователю часто приходится иметь дело с различными синонимическими конструкциями, имевшими распространение уже в языке-основе. Разные романские конструкции не только могут отличаться друг от друга, но и по-разному относиться к той или иной исходной конструкции в языке-основе. Отношения оказываются не одноплановыми, каковыми они обычно бывают в морфологии, а многоплановыми. Эта м н о г о п л а н о в о с т ь о т н о ш е н и й — характерная особенность синтаксических категорий, рассматриваемых сравнительно-исторически.

Наличие тех или иных синтаксических построений в языке-основе не всегда свидетельствует о том, что соответствующие аналогичные построения в романских языках являются непосредственным развитием первых. В ряде случаев взаимоотношения складываются здесь очень сложные. Известно, например, что так называемый повествовательный инфинитив (он же иначе именуется инфинитивом историческим) уже встречался в латинском языке. Вместе с тем повествовательный инфинитив бытует в той

¹ См. А. Meillet et J. Vendryes, *Traité de grammaire comparée des langues classiques*, Paris, 1924, стр. 582.

² Ср. R.—L. Wagner, указ. соч., стр. 537.

или иной мере во всех романских языках, за исключением румынского и молдавского. Сейчас же возникает простое предположение, что романский повествовательный инфинитив непосредственно продолжает аналогичный инфинитив в латинском языке. При более же пристальном рассмотрении вопроса оказывается, что это не так.

Предположение о том, что романский повествовательный инфинитив (т. е. такой инфинитив, который употребляется как бы «вместо» личных форм глагола для придания рассказу большей живости, большего движения: франц. *et l'homme de crier* «и человек начинает кричать») непосредственно продолжает аналогичный инфинитив латинского языка, действительно долго существовало в науке¹. Однако последующие исследования показали, что против такого предположения выступают многочисленные факты. Хотя в латинском языке повествовательный инфинитив иногда встречался у разных авторов, как ранних, так и поздних², но все же между случаями употребления повествовательного инфинитива в латинском языке и распространением аналогичного инфинитива в романских языках наблюдается перерыв около тысячи лет.

Во французском языке, например, повествовательный инфинитив получает распространение лишь после 1400 г. Примеры с подобным инфинитивом до 1400 г. исключительно редки, и почти все они встречаются уже не в том виде, в каком бытовали в языке латинском, а в грамматически преобразованном виде с предлогом *de* (см. выше: *et l'homme de crier*). Получив распространение, повествовательный инфинитив расширяет сферу своего функционирования в XV—XVI вв. (отчасти и в XVII в., особенно у Лафонтена: *grenouilles de se plaindre* «лягушки стали жаловаться»). Но после XVI в. начинается постепенное суживание области функционирования повествовательного инфинитива, так что в современном французском языке интересующий нас инфинитив часто приобретает стилистическое значение и употребляется сравнительно редко³. Повествовательный инфинитив иногда придает предложению своеобразную «артистичность» *Ma cousine Bette épouser ce jeune homme, elle qui serait sa mère* (Balzac, X, 81) «Как, чтобы моя кузина Бетта могла выйти замуж за этого молодого человека, она, которая могла бы быть его матерью!»⁴.

Функции повествовательного инфинитива, как и время его появления в разных романских языках, очень различны. Еще позднее, чем во французском и испанском, повествовательный инфинитив возникает в языках итальянском и португальском. Вместе с тем, возникнув позднее, повествовательный инфинитив в итальянском языке в большей степени стилистически «нейтрален», чем во французском. Он получает и более широкое распространение в разговорной речи. Известны итальянские конструкции типа *Vedo che l'uomo venire* «Я вижу, что человек приходит», «Я вижу приходящего человека»⁵. Наконец, существенно и то, что

¹ См. A. Darmesteter, Cours de grammaire historique de la langue française, part IV—Syntaxe, Paris, 1897, стр. 145—147.

² Ср. повествовательный инфинитив в классической латыни: «*Interim cotidie Caesar Aeduos frumentum... flagitare... Diem ex die ducere Aedui...*» (Caesar, De Bello Gallico, I, 16) «Цезарь ежедневно требовал от эдуев хлеба (буквально: «Цезарь ежедневно... требовать хлеба»). Эдуи тянули со дня на день (буквально: «Эдуи тянут со дня на день»)».

³ См. A. Lombard, L'infinitif de narration dans les langues romanes. Étude de syntaxe historique. Uppsala—Leipzig, 1936, стр. 241. Ср. также T. Nurmela, Le débat sur l'infinitif de narration dans les langues romanes, «Neuphilologische Mitteilungen», Helsinki, 1944, № 7—8.

⁴ Другие французские примеры см.: J. Damourette et É. Pichon, Essai de grammaire de la langue française, t. III, Paris, [б. г.], стр. 703 и сл.

⁵ См. A. Lombard, указ. соч., стр. 243. Ср. также L. Spitzer, Italienische Umgangssprache, Bonn—Leipzig, 1922.

повествовательный инфинитив встречается не только в языках романских, но и в некоторых языках германских (например, в английском), в языках славянских и других. Так, к аналогичному инфинитиву следует отнести, по видимому, и русские народные обороты, уже привлекавшие внимание исследователей: «Лиса говорит дрозду:),если не накормишь (меня), — я детей твоих поем». Дрозд *горевать*, дрозд *тосковать*, как лисицу ему накормить...»¹. У Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: «И царица *хохотать*, И плечами *пожимать*, И *подмигивать* глазами, И *прищелкивать* перстами».

Нас не интересует сейчас специально вопрос о происхождении повествовательного инфинитива. В целях данной статьи существенно обратить внимание на другое: латино-романская преемственность в области синтаксических явлений сложнее и многообразнее преемственности в области фонетики и морфологии. Даже в тех случаях, когда для соответствующих романских конструкций находятся аналогии в языке латинском, преемственность между этими языками может быть не такой непосредственной, как в области морфологии.

Латинский повествовательный инфинитив не получил непосредственного развития в языках романских — об этом свидетельствует перерыв во времени. Функции данного инфинитива в разных романских языках различны; аналогичные конструкции с инфинитивом известны и языкам нероманским. И все же импульсы, исходившие из латинского языка, по видимому, сыграли известную роль в формировании романского повествовательного инфинитива. В пользу этого предположения свидетельствует, во-первых, то, что отдельные примеры повествовательного инфинитива встречаются все же и в древних романских языках², во-вторых, то, что в латинском языке, как и во многих романских языках, повествовательный инфинитив имеет определенное, стилистически ограниченное распространение (отсюда и его название), в-третьих, наконец, то, что всякое синтаксическое воздействие, даже исходящее из языка-основы, обычно воздействует на родственные языки не совсем так, как воздействуют друг на друга явления морфологические. В последних случаях преемственность обычно прямая и одноплановая, в первом — о п о с р е д с т в о в а н н а я и м н о г о п л а н о в а я.

Не были правы те, кто романский повествовательный инфинитив стремился вывести непосредственно из латинского языка, но неправы, как мы думаем, и те, кто склонен резко противопоставлять романскую и латинскую традиции в этой области, не учитывая специфики синтаксической преемственности, в отличие от преемственности фонетической и морфологической. Сущность этой специфики заключается в том, что: 1) хронологически указанная преемственность может быть не только сплошной и непрерывной, но и прерывистой, 2) что, получая импульсы от языка-основы, родственные языки могут развить сходные синтаксические явления как бы на новой основе, определяемой всем своеобразием строя новых

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб., 1912, стр. 92 и Т. П. Ломтев, Учение Потемни о субъектном и объектном употреблении инфинитива..., «Доклады и сообщения Филол. фак-та [МГУ]», вып. 8, 1949, стр. 11—12.

² См. A. Lombard, указ. соч., стр. 82. Напрасно Ломбард считает, что перерыв между латинским и романским употреблением повествовательного инфинитива снимает вопрос о всякой преемственности в этой области между латинским и романскими языками. Ведь мы же говорим о латинском источнике «ученых слов» в романских языках, хотя эти слова непосредственно не продолжают развития живой латинской традиции. Как и в области лексики, в области синтаксиса следует различать, на наш взгляд, преемственность непосредственную и преемственность опосредствованную, или косвенную.

языков в отличие от старых (известная преемственность между ними при этом сохраняется); наконец, 3) что сходные синтаксические явления в разных родственных языках получают разное функциональное развитие.

При сравнительно-историческом изучении синтаксических явлений возникает множество теоретических проблем. Сравнительный материал дает возможность по-новому осветить проблему формы слова, проблему словосочетаний и проблему предложения. Предполагая вернуться к этим вопросам в особой работе, сейчас лишь обратим внимание на такого рода факты. В западнороманских языках возникновение, закрепление и расширение сферы функционирования определенного артикля было тесно связано с процессом распада склонения имен существительных. В восточнороманских языках, напротив, вовлечение определенного артикля в сферу форм одного слова (румынское *omul* «человек»: *ot*+соединительный гласный *u*+определенный постпозитивный артикль *l*) существенно изменило дело: в этих языках определенный артикль стал способствовать развитию падежной системы имени. Известно, что в румынском языке, как и в молдавском, именно артикулированные формы имени существительного в большей степени сохраняют падежные различия, чем формы неартикулированные (существительное без артикля типа *lup* «волк» падежных различий не знает, тогда как артикулированная форма этого же имени *lupul* различается: именительно-винительный *lupul*, родительно-дательный *lupului*).

Так не только осложняется понятие формы слова, если подойти к ней с позиций родственных языков, но и подтверждается наша мысль о полифункциональности (многоплановости) синтаксических явлений родственных языков. Имея общие источники в языке-основе, синтаксические явления в разных родственных языках развиваются настолько самобытно, что в своей системе видоизменяют не только исходные синтаксические конструкции, но и осложняют критерии самих теоретических понятий, которыми оперирует грамматика. Объем понятий формы слова или формы словосочетания — то же следует сказать и о предложении — в разных родственных языках оказывается уже несколько иным, чем объем этих понятий в применении к одному из данных языков. Языковеды занимались до сих пор изучением этих понятий только по отношению к тому или иному отдельному языку (что само по себе очень нужно). Настало, однако, время поставить эти проблемы и в сравнительно-историческом плане общей синтаксической структуры родственных языков.

Некоторые положения теперь могут быть кратко резюмированы: 1) вопросы сравнительно-исторического синтаксиса романских языков изучены гораздо меньше, чем вопросы фонетического и морфологического характера, поэтому до сих пор классификация романских языков опирается, в основном, лишь на данные фонетики и морфологии; между тем привлечение синтаксического материала не только существенно осложняет самый принцип классификации родственных языков, но и обнаруживает внутренние, как бы перекрестные, контакты и расхождения между подгруппами языков, входящими в данную языковую семью; 2) в отличие от морфологических явлений, которые обычно имеют лишь один источник в языке-основе, сходные синтаксические конструкции родственных языков могут одновременно вытекать из нескольких параллельных источников в языке-основе, определяя — наряду с другими причинами — сложные отношения между родственными языками в области синтаксиса.

В данной статье мы затронули лишь некоторые вопросы большой и сложной проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса родственных языков. Не подлежит сомнению, что эти вопросы требуют всестороннего обсуждения.